

Памяти павших за Советскую власть в 1993 году посвящается

Татьяна Ивановна Денисенко

Первый раз мы с мужем пришли к Дому Советов вечером 25 сентября. Проходы к зданию были оцеплены рядами милиции. Прошел слух, что можно обойти оцепление, пройдя дальше по улице Заморонова в сторону метро «Улица 1905 года». Пошли вместе с другими. Напротив всех проходов стояла милиция, ощущалось состояние сильной напряженности, но все — и люди, и милиция — держались внешне спокойно.

Пройдя два или три дома, дворами выходим к Дому Советов. Люди идут спокойно, в основном тихо разговаривают. Вдруг откуда-то сбоку, со двора, появляется какой-то человек —

полноватый, белобрысый, в клетчатой куртке. Он задирается с милицией, громко, явно на публику, ругается, выкрикивает угрозы. Идущие рядом люди, особенно женщины, увещевают его. В поведении человека чувствуется некоторая наигранность. Произношу громко, что, вероятнее всего, этот человек — провокатор. Мужчина затихает и через минуту исчезает из потока идущих людей. Так кто же он?

Проходим весьма символическую по существу баррикаду, вступаем на площадь перед Домом Советов. Группами стоят люди, некоторые с флагами. Российская коммунистическая партия, КПСС, верующие с иконами и пением, масса представителей разных движений, в которых трудно разобраться: мо-

Записки очевидца

нархисты, «Черная сотня», «зеленые», даже не помню всех названий. Пестрота удивляет и одновременно восхищает! Люди, откинув какие-то свои разногласия и предрассудки, сошлись здесь! Около здания актив «Трудовой России» собирает приносимые людьми продукты, вещи, тут же кормят тех, кто дежурит. Посмотрели витрины, в которых выставлены всевозможные шаржи, карикатуры, стихи, призывы, обращения. Запомнился крупный портрет Ельцина, причесанного под Гитлера и с тремя шестерками на лбу.

Начинается митинг. Все говорит о защите Конституции, законной власти, необходимости прекращения развала страны, ее экономики. И после окончания митинга люди что-то обсуждают, кого-то слушают. Рассказывают, что милиция, стоящая в оцеплении, на самом деле солдаты дивизии Дзержинского. Они молодые, насторожены. Мы относимся к ним с пониманием: по-видимому, умышленно солдат плохо, нерегулярно кормят, чтобы злее были. Поэтому защитникам Дома Советов приходится их подкармливать из своего скудного запаса.

На следующий день, в воскресенье, площадь была прямо-таки заполнена людьми. Кто они? Я смотрела на них и понимала: они — это я. Большинство собравшихся на площади людей не принадлежали ни к каким партиям или движениям. Это были

те, кто хотел возрождения страны, а не ее падения, потому именно эти идеи находили наибольший эмоциональный отклик. Выступающих было много, и все они были очень разные. Зачитывались различные документы. Говорилось о поддержке армией и флотом. Выступали и деятели культуры. Но все время внутри было недоумение: если армия поддерживает, то почему это никак не проявляется? У парламента нет света, нет тепла, нет возможности выйти в эфир. Настоящая блокада и осада. К вечеру мы ушли домой, потом вернулись, принесли теплой одежды и продуктов.

Выход и проход к Дому Советов были блокированы. И хотя мальчики из дивизии Дзержинского, переодетые в милицескую форму, были более спокойны, чем в субботу, но, тем не менее, для выхода через этот проход необходима была масса людей, которая «продавливала» этих «милиционеров». Зачем это? Чтобы нарастало взаимное раздражение? Другое в голову не приходило. Теперь ответ ясен: да, именно за этим.

Когда мы шли в районе метро «Баррикадная», было уже около десяти часов вечера. Навстречу шли в основном мужчины, те, кто шел по доброй воле на ночное дежурство к Дому Советов. Запомнились трое: два пожилых, на вид мастеровые, и с ними совсем молодой мальчик, лет шестнадцати. Одеты тепло, в тело-

грейках, в руках сумка с термосом. Вид спокойный, серьезный и решительный. В них было что-то одновременно суровое и трогательное. И я поняла, увидела: так пятьдесят лет назад уходили ополченцы на войну, так они выглядели. По-деловому строго, сурово, неторопливо. Да, в них была решимость людей, все понимавших и готовых к различному повороту событий. Все это каким-то невероятным образом передалось мне.

В понедельник вечером, после работы, я увидела живой поток людей, идущих от Дома Советов и к нему. Это напоминало проходную большого завода во время пересменки. Да так оно и было: те, кто мог, приходили днем, другие вечером. В тот понедельник людей у Дома Советов было еще больше, чем в воскресенье. Возраст различный, принадлежность к слоям населения тоже различная. По виду много технической интеллигенции. Люди вокруг стояли доброжелательные и даже повеселевшие от того, что вот их так много, и они единомышленники, и не бояться это показать.

Все последующие дни народу прибывало, а проходить через милицкий кордон становилось все труднее. Выход тоже был ограничен. Почему-то нужно было прорываться. В воздухе висело, на митингах говорилось, что власть пойдет на все. Но не верилось, вернее, не хотелось верить...

«Не простим!»

Рисунок Ольги Панченковой

Ольга Александровна Панченкова

Когда вечером 21 сентября 1993 года по радио услышали, как Ельцин бубнил про указ № 1400, незаконно предписывая Верховному Совету РФ прекратить свою деятельность, мы сразу отправились к зданию Дома Советов. Там уже шел митинг. Я искала глазами красный флаг, но не нашла его. Тогда я сняла красную кофту, привязала ее рукава к древку. На красный флаг стал собираться народ.

Силы МВД начали оцепление здания. Мы с Елизаветой Филиповой, врачом-стоматологом, обратились к милиции с просьбой помочь нам отгородить барьерами уголок у одной из стен, рядом с 20-м подъездом. Нам пошли навстречу. У нас появился и настоящий красный флаг.

Люди несли нам, кто что мог. Мы собирали для защитников лекарства, еду, организовали медпункт и пункт приема пищи. Утром из здания Верховного Совета нам стали приносить для распространения кипы прокламаций, листовок, воззваний. Из-за барьеров тянулись руки людей, желающих забрать как можно больше литературы и узнать как можно больше правды.

Ряды защитников Верховного Совета пополнялись. Люди приезжали из самых разных мест. Их лица озарял высокий духовный подъем. А буржуазный эфир неистово вещал с утра до ночи, что у Дома Советов собрались экстремисты и фашисты.

Вскоре здание Верховного Совета было окружено сплошным кольцом милиции и провокаторов «Бруно». Для психологического воздействия на защитников Верховного Совета пригнали бронетранспортёр со смонтированной на нём звукоустановкой. Беспрерывно, всю ночь динамики что-нибудь передавали.

У Дома Советов я впервые встретила И.Ф. Бунькина. Он работал в Институте коммунального хозяйства, возглавлял кафедру химии. Бунькин позвал меня к себе в отряд химзащиты и поручил выдавать противогазы защитникам Верховного Совета.

Последняя ночь была страшно напряженная. Мы уже знали, что произошло в Останкино. И что нас не пощадят.

В то время я работала художником технического рисунка в Воениздат. 4 октября я должна была быть в издательстве. Рано утром я вышла из здания Дома Советов. Собиралась зайти в издательство, написать заявление «за свой счет» и вернуться обратно. Однако дома по телевизору я увидела, как горит Дом Советов...

«Мы служили Родине»

Эмма Ивановна Малова

Сейчас очень тяжело вспоминать все это. Но очень хочется вспомнить людей, которые там были. Самойловой Екатерину Петровну — она постоянно находилась в Доме Советов, организовывала питание, встречи. Была еще одна мужественная женщина — Тамара Ильинична Картинцева, которая тоже помогала всем.

Помню мальчика раненого. Носилок не было, и он лежал на пальто, стонал: «Мама, больно!» А «Скорая» не ехала. Потом то ли ребята сами поехали и отвезли его, то ли «Скорая» все же прибыла, но его забрали.

Вспомнить хочется и отряд милиции возле Дома Советов — это были честные, порядочные ребята. Когда была дана команда: «Кто хочет, пусть уходит», они сняли с себя погоны и остались. Сказали, что не могут бросить людей, с которыми уже сроднились. И когда их вывели из Дома Советов, то расправились с ними особенно жестоко, причем учинили расправу их же бывшие сослуживцы.

Помню отряд казаков, который стоял на

входе. Это были хорошие, смелые ребята. Их тоже сейчас нет в живых...

Вспоминается группа музыкантов, встречавшихся мне поздно вечером у Дома Советов. Я спросила их, почему они тут так поздно. Они ответили, что не могут пройти мимо того, что происходит. Позже я узнала, что девушку, с которой я говорила, убили.

Помню, как на полу приемной Дома Советов лежали люди, надеясь, что их тут не оставят, накормят, обогреют. И каждый приносил туда то, что мог — еду, теплые вещи...

Сейчас поднимается вопрос национальностей — у нас были все национальности, и все друг другу помогали, всякая беда становилась бедой всех людей. Люди приезжали с разных концов страны, снимая с книжек последние сбережения, жили в палатках. И многие погибли.

Вспоминаются ребята под мостом — из них никто не уцелел. Это были простые люди, которые служили своему народу, своей Родине. Они понимали, на что идут, что их ждет в будущем — и их, и всю страну. И они завещали нам вспоминать их, сохранить о них добрую память даже тогда, когда их не будет в живых.